

МАРШАЛ ЖУКОВ. СОКРОВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДУШИ

Мария Жукова

Духовные, нравственные уроки войны не менее важны, чем её политические завоевания.

Об этом говорит вся история русской культуры – фольклор, литература, живопись и, конечно, православная церковная традиция. Мария Георгиевна Жукова – младшая, любимая дочь маршала Победы. В последние годы заслуженным успехом у читателей пользуются книги М.Г. Жуковой, вышедшие в издательстве московского Сретенского монастыря – «Твой есмь аз» Суворов», и книга об отце, Маршале Советского Союза Георгии Константиновиче Жукове.

Портрет работы Павла Корина

Ему была свойственна какая-то природная скромность. Никто никогда не видел в нём заносчивости, чванства, барства, что часто бывает с людьми, достигшими каких-то высот. Всегда он был прост, доброжелателен и доступен. Недавно мне на глаза попался старый, семидесятих годов, журнал со статьёй отца. Вот как она начиналась: «Мне пришлось быть непосредственным участником многих наступательных операций Великой Отечественной войны». Просто «непосредственным участником». Так написал о себе человек, которого в народе называют спасителем России. Русскому крестьянину всегда было присуще чувство личного достоинства, как, наверное, память о том, что человек — это образ Божий. Было это чувство и у моего отца.

О его великодушии свидетельствует следующий эпизод. Ночь с 8 на 9 мая. Карлсхорст. Подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Всей церемонией распоряжался маршал Жуков. Он вёл церемонию жёстко, в присущей ему немногословной манере. Но в его словах, интонациях, жестах не было даже намёка на ущемление национального достоинства поверженных немцев. Маршал Жуков имел полномо-

чия организовать подписание акта в любом месте Берлина по своему усмотрению. Он имел все основания выбрать одно из зданий того квартала германской столицы, где в 1760 году русский генерал Захар Чернышёв принял ключи от Берлина, принесённые ему берлинским магистратом как знак капитуляции перед Российской империей. Однако отец пощадил национальную память Германии. очевидцы рассказывали, что среди офицеров различных рангов разговоры о событиях 1760 года велись, многие высказывались за то, что следует подчеркнуть исторический факт второй капитуляции Берлина перед русскими войсками. И это было объяснимо. Слишком много горя и страданий причинили германские войска народу России в 1941–1945 годах. Но надо отдать должное такту маршала, который продемонстрировал перед всем миром лучшие черты русского характера — великодушие и незлопамятность.

Было у него и впитанное от крестьянских предков свойство держать слово. «Не давши слова, крепись, а давши — держись». Какому русскому не знакома эта поговор-

ка! Он был чрезвычайно щепетивен в отношении данного слова и никогда не нарушал своего обещания. Также требовал этого и от других... Общественное мнение, существовавшее в деревне и многое в жизни определявшее, воспитывало честность, товарищескую надёжность, верность в дружбе. Помню, как отец прививал мне законы товарищества с самых ранних пор, учил, что необходимо в дружбе, а чего допускать нельзя. Приходит на память такой случай. Я училась в школе и не любила математику. Однажды в четверти по геометрии мне выставили тройку. Подруга моя — Лена получила четвёрку. Радостные, что наступили каникулы, мы приехали из школы к нам на дачу. С порога отец спросил об итогах четверти: «У тебя что, Машенька?» Я ответила: «Одна тройка — по геометрии, не смогла вытянуть на четыре...» Тогда он обратился к Лене: «Ну, а у тебя что по геометрии?» — «Четыре...» Отец строго выговорил, но не мне, а ей: «Как же ты могла допустить, ты ведь Машина подруга...»

В деревне, считаясь с общественным мнением, человек не мог не заботиться о своём добром имени. С детства отец знал, как быстро бежит впереди человека дурная слава. Незадолго до своей кончины он, живший изолированно от всего мира на даче, спросил у своего бывшего шофёра: «Люди меня худым словом не поминают?»

Что мне ещё дорого в отце, так это, пожалуй, его трудолюбие. Он с раннего детства постоянно наблюдал за занятиями старших и охотно подражал им. Константин Артемьевич сказал однажды сыну, что он уже большой — скоро семь лет, пора браться за дело: «Я в твои годы работал не меньше взрослого». И стал отец в сенокосе участвовать: растрясать сено, сушить его и сгребать в копны, потом — когда подошла уборка хлебов — стал учиться жать. И всё с удовольствием, с ребячьим задором, желая не отстать от взрослых. У крестьян всегда осуждались лень и праздность. Помню, как отец говорил о ком-то: «Да он лодырь!» И этим всё было сказано...

Уважение к старшим, в первую очередь к родителям, особенно тогда, когда они стареют и становятся немощными, также было характерной чертой отца, усвоенной от предков, односельчан. «Чти отца твоего и мать твою...» Его мать, а моя бабушка, которую я, к сожалению, никогда не видела, кроме как на фотографии, старость свою провела в семье, окружённая уважением и заботой. Не было никогда у русских той низости, что насильно прививают нам сейчас, — стремления отделяться от стариков, тем более сдвигать их куда-нибудь, чтобы не были обузой.

На даче в Сосновке во время войны Устинья Артемьевна доживала свой век. Она выходила на крыльцо и любила подолгу (как мне рассказывали) сидеть там и дышать воздухом. Её дорогой сын был на фронте, она думала о нём и, я не сомневаюсь, просила Бога, чтобы Он сохранил ему жизнь. Материнская молитва со дна морского поднимает. Сколько раз сын её был буквально на волосок от смерти. Как-то она подозвала к себе молодого солдатика, Сергея Маркова, служившего на даче в охране.

(Он рассказывал мне об этом эпизоде, уже будучи пожилым человеком.) Подозвала, расспросила, как мать, о тяготах службы, дала из кармана конфет...

...В Костроме живёт ветеран войны Василий Иванович Сорокин, который вот так вспоминал встречу кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова со своими избирателями, воинами одной артиллерийской части в Германии в январе 1946 года: «Я не помню содержания речи Георгия Константиновича, но сейчас хорошо вижу безмолвный, полный внимания строй. Солдаты ловили каждое слово полководца, смотрели на него до жадности влюблёнными глазами. И не успели объявить об окончании встречи, как Георгия Константиновича тут же «взяли в окружение, в плен». Зашёлкали фотоаппараты, каждому хотелось быть поближе к маршалу, попасть в объектив и запечатлеть себя на память. Некоторые при фотографировании даже обнимали его, а он стоял, невысокий, коренастый, в маршальской полевой форме, смеясь, шутил, острил и просил: «Выпустите меня, пожалуйста!» На это уже не строй, а толпа овечала возгласами «ура!» и бурей аплодисментов. Все попытки офицеров выстроить и увести солдат успеха не имели. Все были приятно возбуждены, взволнованны и простительно недисциплинированы. Такой неподдельной, искренней любви и преданности больше мне видеть не пришлось. Я тогда со всей ясностью ощутил, что значит Жуков для народа».

О том, как простые русские люди переживали последовавшую за Победой опалу отца, как они молились о нём, передаёт письмо старика 114 лет (почти ровесника Константина Артемьевича):

«Дорогой мой, любимый маршал! Ваш верный слуга дедушка Терентий Козырь, 114 лет. Прошу Вас прочитать письмо, хотя и скверно написано, ведь я малограмотный, да ещё и старый человек, лежу в больнице, а сам думаю о завтрашнем дне. Я живу один, имею домик

(одна комната и кухонька), внучка-инвалидка ухаживает за мной, варит, стирает. А меня ругают: вот, говорят, будет ещё жить, такой хороший... Двенадцать часов ночи пробило под 12 февраля. Не спится мне, старику. Тоска съедает мою грудь, всё передумаешь и обо всех, а в особенности о тех, кто ближе к сердцу и живёт в моём сердце, пока не закроются мои глаза и сердце не перестанет трудиться — открывать да закрывать двери свои. Простите меня, самый дорогой воин нашей страны российской, глава наших побед, краса нашей Родины, незабвенный и неоценимый человек. Тронут до глубины сердца, плачу от радости, что взойшло солнышко, которое меня грело, а потом что-то перестало греть. Такая тьма была в моём сердце, что чуть не умер от скорби. Вы — наш корабль боевой, перед которым всё рушилось, и немецкая твердыня пала под ноги Ваши. Я день и ночь следил за Вашим движением на фронте и молился, чтобы Бог хранил Вас от несчастий, чтобы лучше я умер, чем Вы, а Вы бы жили сто лет. Окончилась война, и боевой корабль вернулся в родное житейское море, затуманилось море, и не стало видно любимого корабля-победоносца, какой-то туман на море стал. Загоревал я о боевом корабле, пронеслись слухи, что буря ужасно качает корабль и было несчастье на корабле. Я ещё больше стал молиться о спасении, и что с ним — не было слышно, но потом были слухи, что корабль чуть не погиб. Боже, верни его невредимым! И что же, совсем пропал слух, где корабль. Я не переставал молиться, и слушать, и спрашивать, где корабль. Кое-где в печати появилось про корабль, что приплыл под вывеской «Жуков». Нет, не то, не тот корабль побед. Я проливал слёзы не один год и молил Бога, укажи хоть во сне, есть ли, жив ли он. И вижу во сне: приплыл корабль, имя его — Жуков Г. К. Все подняли руки и плакали от радости, встречая, а моё сердце было в таком восторге, что чуть не лопнуло от радо-

сти. На этом я успокоился: значит, жив, невредим, и начал молиться о здравии Вашем, Георгий Константинович! Проходит время. И вдруг по радио передают о Вашем назначении министром обороны СССР. Я как закричал: «Да здравствует дорогой наш защитник, не жалевший своей жизни за Родину, шёл на смерть! Слава Богу, слава, многие лета, многие лета Георгию Константиновичу Жукову! Теперь я в спокойствии, и умирать не надо!» А те, что живут со мной, посчитали, что я сошёл с ума, пошли за врачом, но это была такая радость для меня! Желаю жить сто лет и побеждать врагов. И я, старик, молюсь о Вас и храню Вас в сердце своём, пока не закроются мои глаза. Дедушка Терентий Козырь, г. Мичуринск, село Заворонежское.

Как ни стараются вытравить в людях эту любовь к моему отцу, всё же она передаётся из поколения в поколение. Недавно мне пришло такое письмо:

«Дорогая Мария Георгиевна! Меня зовут Пётр. Мне двенадцать лет. У меня есть ещё два брата: Фёдор — десяти лет и Михаил — шести лет. Мы живём в старинном подмосковном городе Волоколамске.

С самого раннего детства мы просили папу рассказать нам про войну, и папа почти всегда брал в руки книгу маршала Жукова, подсаживал нас рядом, и мы начинали рассматривать фотографии — от Халхин-Гола до ваших семейных снимков и слушали папины рассказы. Наш папа очень-очень любит вашего отца, и дедушка наш очень его любит, и прадедушка (лётчик) его очень любит и даже написал маршалу письмо, и маршал выслал ему свою книгу воспоминаний.

Папа наш ещё в школе выпрашивал фотографии маршала и магнитофонные записи его бесед у тех, кто имел счастье видеться с ним лично. Он говорит, что чувство необычайной благоговейной любви к Вашему отцу с юных лет переполняло его сердце... Если сможете, пришлите нам с братьями по почте фотографию нашего любимого полководца — маршала Жукова...»

Да, невероятные усилия прилагают антиправославные, антирусские силы для того, чтобы прервать связь поколений, лишить молодёжь высоких идеалов, посеять дух скептицизма, привить свои «ценности». «Наслаждайся», «отдыхай» — внушают навязчивая уличная реклама, телевидение, радио, газеты, журналы, книги, — в этом смысл жизни. Цель ясна — выбить из-под ног молодых твёрдую основу причастности к великой судьбе своей земли. Враги понимают: в корнях России — её сила. Вспомните, что говорит о воспитании ребёнка в национальном духе Иван Ильин: «Образы героизма пробудят в нём самую волю к доблести, пробудят его великодушные... жажду подвига и служения, готовность терпеть и бороться, а русскость героя даст ему непоколебимую веру в духовные силы своего народа».

Вот почему так необходимы нашим детям высокие примеры тех, кто стал идеалом и символом России, тех, кого взрастил великий православный народ.

Сегодня уже ведутся споры о верующей душе отца. В силу духовного целомудрия (я не боюсь громких слов в данном случае), а также осторожности не обсуждал он этого с людьми. Смешны разговоры о том, что если шофёр или кто-то из его близкого окружения не видел Казанскую икону Божией Матери, которую, как говорят в народе, он возил с собой по фронтам, то и не было её, а значит, раздаются голоса, надо покончить с разговорами о верующей душе маршала. Вспомним слова апостола Павла: *«Душевный человек (то есть неверующий. — Прим. авт.) не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1 Кор. 2,14).*

Отец был по рождению своему и воспитанию, по самому своему мировосприятию православным человеком, как православны были его солдаты, вместе с ним перед боем говорившие: «Ну, с Богом!» Этими же самыми словами благословляла его в детстве мать, когда провожала из деревни в Москву... Душа человека — великая тайна, к которой окружающие могут только лишь прикоснуться. Духовная жизнь скрыта от глаз людских. Тем более жизнь людей, отличившихся великими земными деяниями, жизнь полководцев.

Немногие, наверно, знают о том, что непобедимый генералиссимус Суворов, истинный христианин, собиравшийся окончить свой путь в монастыре, о чём подавал прошение государю, а перед смертью написал покаянный канон, в котором он умолял Христа дать ему место «хотя при крае Царствия Небесного», взывая *«Твой есмь аз и спаси мя».*

Могущественный Потёмкин, которому, по словам Пушкина, мы обязаны Чёрным морем, чувствуя дыхание смерти, писал в своём «Каноне Спасителю»: *«И ныне волнующаяся душа моя и уповающая в бездне беззаконий своих ищет помощи, но не обретает. Подаждь ей, Пречистая Дева, руку Свою, Ею же носила Спасителя моего и не допусти погибнуть во веки».*

Адмирал Ушаков в конце жизни стал насельником Санаксарского монастыря в Мордовии. Есть свидетельства о том, что маршал Василевский, сын протоиерея, которому революция не дала закончить семинарию, тайно приезжал в Троице-Сергиеву лавру и причащался Святых Христовых Тайн. И в нашем сложном веке, как и прежде, Господь Иисус Христос невидимо обитал в сердцах полководцев, укреплял их и помогал одерживать победы над врагами.

Недавно мне пришлось прочитать в одной книге, что нет свидетельств, веровал ли Жуков в Бога. Похоже, пришло время сказать о том, что таких свидетельств немало. «Я скоро умру, но с того света я буду наблюдать за тобой и в трудную минуту приду», — сказал он, чувствуя приближение неотвратимого

конца, мне, шестнадцатилетней тогда девочке, оставшейся уже без матери.

Много лет пришлось мне осмысливать эти слова. Четверть века, что отца нет в живых, они всегда были в моём сознании. Мне казалось это самым важным, что оставил он после себя. Только недавно я осознала, что этими (странными, как мне тогда казалось) словами посеял отец во мне веру в вечную жизнь души и в невидимую связь нашего мира с миром загробным, и не только связь, но и помощь наших усопших родных нам, их молитвы о нас. В этих словах не было сомнения (он не говорил «может быть»), они были сказаны кротко, спокойно, но и со знанием и силой. Это и есть, по-моему, главное свидетельство его веры.

В народе сохраняется предание о том, что Жуков возил по фронтам Казанскую икону Божией Матери. Не так давно архимандрит Иоанн (Крестьянкин) подтвердил это. В Киеве есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал Жуков отбил у фашистов. Один человек рассказывал, что в начале войны Жуков прислал в их деревню под Наро-Фоминском машину со священником, чтобы окрестить всех детей...

Священник из села Омелец Брестской области в письме к Жукову, поздравляя его с Победой, пожаловался о том, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Вскоре от маршала пришла посылка весом в тонну — три колокола! Такого благовеста еще не слышала округа! Колокола висят там по сей день. А прихожане хранят письмо маршала.

Сразу после войны, в июле 1945 года, отец узнал о бедственном положении православного храма — памятника русской славы в Лейпциге и многое сделал для его восстановления. Сапёрные бригады работали там по его указанию. Работу он принимал лично, приехав на открытие храма, и возжёт в нём лампаду. Эти свидетельства говорят о многом...

Однажды меня пригласили выступить с воспоминаниями об отце перед военными. После моего рассказа ко мне

подошёл один офицер и сказал: «Мне кажется, что вашего отца можно рассматривать только с православных позиций, иначе ничего в нём не поймёшь». Я ответила, что давно так думаю. Укрепил меня в этих мыслях архимандрит Кирилл (Павлов), духовник Троице-Сергиевой лавры, старец, которого знает и любит вся православная Россия. Он прошёл всю войну, воевал в Сталинграде... Во время работы над воспоминаниями об отце я обратилась к отцу Кириллу с вопросом, не может ли он подтвердить рассказ одного человека о том, что Жуков в начале 60-х годов приезжал в Троице-Сергиеву лавру и по его просьбе служили панихиды по погибшим воинам.

«Глубокоуважаемая, досточтимая и дорогая Мария Георгиевна.

Спешу сообщить Вам, что Ваше письмо я получил в своё время, за что сердечно благодарю...

В отношении волнующего Вас вопроса, приезжал ли Георгий Константинович в начале 60-х годов в лавру и служили ли панихиду. Я не могу ничего об этом сказать определённо, не слышал, потому что о таких вещах тогда не разглашали, могли знать только начальствующие — наместники, а они, к сожалению, уже отошли ко Господу. Я слышал, что в лавру приезжал маршал Василевский Александр Михайлович, он останавливался в гостинице, причащался.

А о Георгии Константиновиче я слышал от настоятеля храма Новодевичьего монастыря, что на Большой Пироговке, протоиерея, отца Николая Никольского, что маршал Жуков приходил в их храм (рядом похоронена его мать Устинья Артемьевна. — Прим. авт.), и однажды он дал отцу Николаю деньги на поминовение, а отец Николай спросил его, а кого поминать. Георгий Константинович сказал — всех усопших воинов. Это достоверно, потому что рассказывал маститый, пожилой протоиерей отец Николай, которого сейчас в живых тоже нет.

А вот и другое свидетельство о верующей душе Жукова Георгия Константиновича, протоиерея отца Анатолия, фамилию его сейчас не помню.

Он служил в соборе г. Ижевска. Этот отец Анатолий, тоже уже пожилой протоиерей, ему уже тогда было около 80 лет. Он к нам приезжал в лавру, обедал вместе с братией, и однажды при разговоре он поведал нам, что во время войны был в звании генерал-майора, а когда война кончилась, он ушёл в отставку, а затем принял сан и служил клириком Ижевского собора.

Во время войны, говорил отец Анатолий, я, как генерал, встречался с маршалом Жуковым, беседовал с ним, и однажды во время беседы я его спросил, верует ли он в Бога. Жуков мне ответил, говорит отец Анатолий, я верю в силу Всемогущественную, в разум Премудрейший, сотворивший такую красоту и гармонию природы и преклоняюсь перед этим. А отец Анатолий, а тогда генерал-майор, и говорит Жукову Г.К., а вот это то, что Вы признаёте, и есть Бог. То, что в душе своей Георгий Константинович чувствовал Бога, это бесспорно. Другое дело, что он, может быть, не мог это своё чувство выразить словами, потому что вера в Бога в то время была в поношении, в загоне, и ему, как высокопоставленному начальнику, надо было соблюдать осторожность, так как тогда кругом торжествовали атеизм и безбожие. Читая его мемуары и статьи, чувствуется, что душа его христианская, во-первых, читается легко и с большим нравственным назиданием для своей души всё это воспринимается. Печать избранничества Божия на нём чувствуется во всей его жизни.

Прежде всего он был крещён, учился в приходской школе, где Закон Божий преподавался, посещал службы храма Христа Спасителя и услаждался великолепным пением церковного хора, получил воспитание в детстве в верующей семье — всё это не могло не напечатлеть в душе его христианских истин. И это видно по плодам его жизни и поведения. Его порядочность, человечность, общительность, трезвость, чистота жизни возвысили его, и Промысл Божий избрал его быть спасителем России в тяжёлую годину испытаний. Недаром Георгия Константиновича все русские люди любят, как своего национального героя, и ставят его в один ряд с такими прославленными полководцами, как Суворов и Кутузов.

Поэтому благодарите Бога, что имеете такого прославленного и любимого народом отца своего, маршала Георгия Константиновича. Вот что я могу написать Вам на Ваше письмо, глубоко чтимая Мария Георгиевна. Извините за неразборчивый почерк и за корявый язык моего ответа.

Да хранит Вас Господь во все дни жизни Вашей и да поможет Вам Он и в окончании труда Вашего для назидания ближних. С глубоким уважением и любовью к Вам архимандрит Кирилл». НВ